

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ

С. МАРШАК

В молодости — задолго до своей всемирной славы — Горький напечатал в «Самарской газете» замечательное письмо, проникнутое гневом и негодованием.

Алексей Максимович со всей горьковской непримиримостью и прямой обличал тех, по чьей милости 280 мальчиков — «будущих ценных граждан» — не были приняты в самарские городские школы.

«Быть может, среди них есть таланты», — говорил он, обращаясь к равнодушным и глухим «отцам города».

И в том же 1895 году он писал о детях, изувеченных станком на одном из волжских заводов, о беззащитных детях — заводских учениках, которые стоили дешевле машин, потому что нуждались «только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках и выволочках».

Если в последние годы своей жизни Алексей Максимович так заботился о литературе для советских детей, то и полвека тому назад он много думал о детях. Он хлопотал о коньках для ребят городской окраины и мастерил для деревенских мальчиков и девочек самодельные альбомы, наклеивая на чистые страницы рисунки из журналов.

С молодых своих лет он с полной ясностью представлял себе огромные воспитательные задачи писательского дела и те большие обязанности, которые лежат на каждом взрослом человеке по отношению к ребенку.

Он замечал детские беды, мимо которых многие проходят равнодушно.

Помню, я видел у него на столе бандероль, приготовленную к отправке в какой-то глухой городок на имя школьника. В бандероли было два экземпляра «Детства».

Оказалось, у мальчика случилась беда: он потерял библиотечный экземпляр этой повести и в совершенном отчаянии решил написать в Москву самому Горькому.

Алексей Максимович откликнулся без промедления. Он всю жизнь помнил, как трудно доставались книги Алеше Пешкову!

В 1905 году, когда я был учеником ялтинской гимназии, он прислал ко мне двух наголо стриженных мальчуганов лет десяти и попросил учить их читать-писать.

— Понимаете, приходят и говорят: «Максим Горький, учите нас грамоте!» А мне, признаться, некогда. Уж так и быть, поучите их за меня. Славные ребята. Этаны великоленные круглые затылочки!..

Горький очень заботился о том, чтобы его собственный сын, которому довелось расти в иной, несравненно более благополучной обстановке, чем та, в которой рос когда-то Алеша Пешков, представлял себе, как живет множество детей в тогдашней России.

Письма Горького к маленькому Максиму со всей убедительностью рисуют его отношения с сыном — мужские отношения, крупные, сочетающие в себе непринужденную шутливость с полной серьезностью.

Эти письма пронизаны верой в то, что ребенок должен понимать и понимает общественные обязанности настоящего человека.

Вот строчки из одного письма Алексея Максимовича сыну:

«Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сыншка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы.

Вот если-бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе — легка и приятна была-бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало-бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять.

Ну, всего хорошего, Максим!

Алексей»

В отсутствии отца Максим очень скучал, хоть и старался не показывать своих чувств окружающим.

Но отец догадывался об этом, и в те времена, когда большие обязанности писателя-революционера мешали его встрече с Максимом, писал ему:

«Спроси маму, что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, любимый ты мой!

Алексей».

II

У Алексея Максимовича было много корреспондентов — пожалуй, больше, чем у кого-либо из современных писателей. И значительная часть писем, засыпавших его рабочий стол, приходила от ребят и подростков.

А между тем, Горький только изредка — считанное число раз за всю жизнь — участвовал в литературе для детей, писал сказки и шутливые рассказы.

Но зато он много думал о детях, много делал для них, щедро отдавая им время, мысли, душевную заботу.

Его ответы на детские письма никогда не бывали просто автографами знаменитого писателя.

Следовало бы подобрать и издать отдельно все его письма к детям — к своим и чужим.

Иногда это озорные, причудливые странички, словно нарочно написанные для того, чтобы порадовать, развеселить ребят, которым не слишком весело жилось.

Иной раз это дружеские советы, целая программа работы и поведения. А подчас и суровый упрек. Таково, например, письмо к пензенским школьникам, пожалавшим вступить в переписку с Максимом Горьким и наделавшим при первом же дебюте множество грамматических ошибок.

«Стыдно ученикам 4-го класса писать так малограмотно, очень стыдно», — говорил им Горький в своем ответном письме.

Возможно, что школьники не заслужили бы такой отповеди, если бы Алексей Максимович обнаружил в их письме что-нибудь большее, чем желание получить собственноручное письмо от знаменитого человека.

Но такие ответы — редкость, чуть ли не единственный случай в переписке Горького с детьми.

Меньше всего в его письмах к ним наставительности и снисходительности. Он писал в полную силу, не жалея беллетристической выдумки, смелого и веселого воображения.

До революции он пытался скрасить неприглядную жизнь детей городских окраин и деревенских ребят, чем мог.

Во весь голос говорил он в газетах о детях — жертвах бессмысленного и жестокого социального строя, о десятилетнем человеке Иване Китаеве, прибывшем в Самару из Баку по этану в арестантской одежде.

«Подумайте, — писал он. — Мальчик десяти лет путешествует по этану и обучается арестантской премудрости...»

В Нижнем Горький ежегодно устраивает для рабочей детворы елку на тысячу ребят. Эти «горьковские елки» надолго запомнились нижегородцам.

Он переписывается с мальчиками и девочками, а иной раз с целыми группами ребят, живущими в разных концах страны. Замечательны по своему мягкому и неожиданному юмору его письма к маленьким бакинцам, которым он обещает показать, что делается с самоварцем, если в него положат угли и забудут налить воду.

Он затевает самодельные альбомы, а потом и детский журнал и альманах с участием крупных писателей и художников.

Во время империалистической войны он обращается к Роллану, Уэллсу, Фриттофу Нансену с просьбой написать для детей биографии великих людей всего мира, чтобы «внушить молодежи любовь и веру в жизнь», «научить людей героизму».

«Именно сейчас необходимо это сделать, в эти дни зверства и торжествующего скотства».

Сквозь множество статей и писем Алексея Максимовича, написанных им в различные времена его жизни и в различных обстоятельствах, проходит красной нитью деятельная забота о будущих поколениях, об игрушке и книге для детей, о просторе для их игр и занятий, о правах ребенка — будущего гражданина.

Но настоящий размах и силу эта сторона деятельности Горького приобрела только после революции, в советское время, когда воспитание и образование миллионов детей и юношей стало заботой партии и делом государственной важности.

Вот когда нашла себе полное применение и развернулась во всю ширь неутомимая энергия великого революционера-просветителя, Алексея Максимовича Горького.

Он стал душой новой советской литературы для взрослых и для детей, он стал инициатором самого большого в мире издательства детской и юношеской книги.

Он вступил в переписку с тысячами ребят своей страны.

III

Помню, это было перед Съездом писателей.

Алексей Максимович сидел в своей библиотеке, в квартире на Малой Никитской, а перед ним на столике лежали груды детских писем, рисунков, чертежей, фотографических карточек.

Все это прислали дети нашей страны в ответ на письмо Горького, в котором он спрашивал их, что они читают, какие книги им нравятся, о чем они еще хотели бы почитать.

Письма были бережно собраны и прочитаны ближайшим помощником и другом Горького — Максимом Алексеевичем Пешковым.

Тысячи отдельных листков составили вместе внушительный том — итоги своеобразного детского плебисцита.

Горький был доволен. Ответы ребят оказались интереснее и содержательнее, чем он ожидал, когда начинал свою переписку.

Радовало его и то, что письма пришли из самых отдаленных деревень, станиц, поселков Советского Союза.

Внимательно разглядывал он адреса своих корреспондентов и почтовые штампы на конвертах:

Станция Сары-Озек на Турксибе.
Чувашская АССР, пристань Ильинка.
Село Чумляк.
Брединские копи.

— Вот как глубоко зацепили, — говорил Алексей Максимович, бережно приводя в порядок горку просмотренных писем.

Адрес Горького на многих конвертах был обозначен весьма неточно. «Город Москва, Кремль. Товарищу Максиму Горькому». Или еще короче: «Максиму Горькому».

Это было похоже на адрес, написанный на конверте чеховским героем — сапожным учеником Ванькой Жуковым:

«На деревню дедушке».

Но письмо Ваньки Жукова вряд ли дошло до дедушки Константина Макарыча, а все эти тысячи писем, адресованных ребятишкам дедушке Горькому, были исправно доставлены по назначению даже в тех случаях, когда в адресе отсутствовало название города.

— Отлично, превосходно, — приговаривал Алексей Максимович, читая письмо за письмом. — Вы только послушайте, как точно выражают они свои мысли. Язык-то какой!

«...Некоторых из нас интересует загадочная история небесных светил».

Или: «Я хочу прочитать книгу о хищном и дерзком звере тигре».

«Хищный и дерзкий зверь» особенно растрогал Алексея Максимовича. Вытирая платком глаза, он сказал: — А пожалуй, я и сам написал бы что-нибудь в этом роде, если бы какой-нибудь чудак вздумал спросить меня во времена моего детства, о чем бы я хотел почитать.

Большая часть ответов ребят была написана на клочках бумаги, на страничках, вырванных из тетрадок. Почерк почти у всех был крупный. — значит, места для письма оставалось очень немного. И все же ребята ухитрились рассказать

Горькому в немногочисленных и кривых строчках не только о своих читательских потребностях и вкусах, но и о своем житье-бытье и даже о погоде:

«Скоро картошку копать. А сено у нас сухое, под дождем не было ни разу».

— Вот это серьезный разговор, — говорил Алексей Максимович, читая обстоятельное письмо хозяйственных деревенских ребят.

А вслед за сведениями о погоде и работе колхозные ребята сообщали Горькому, что они хотели бы почитать книги о том, как устроить винт для самодельного броненосца, на что, в какое время и какая рыба клюет, и о происхождении земли и человека.

— Как видите, тут целая программа, — сказал Горький, и прочел вслух заключительные строки одного из писем:

«Нам хотелось бы, чтобы старые книги перепечатывались, а новые чтобы были интереснее старых».

В нескольких письмах ребята просили Горького позаботиться о том, чтобы книги, издаваемые для них, были написаны «детским языком».

Выражение это понравилось Алексею Максимовичу.

— Слышали вы о существовании такого языка? — спросил он, улыбаясь, а потом, уже вполне серьезно, объяснил, что «детский язык», о котором пишут ребята, это не упрощенный и не бедный язык, а предельно ясный, точный, лаконичный.

И озабоченно нахмурившись, он стал говорить о том, что гораздо легче ответить на все запросы детей сухими докладами и скелетообразными конспектами, чем живыми, простыми по языку и сложными по содержанию книгами.

— А вы почитайте, из чем настаивают эти читатели, — сказал он и протянул мне несколько писем, которые привлекли его особое внимание.

В одном из этих писем говорилось: «Дайте не описания, а случаи».

В другом было сказано:

«Дайте в книжке всю судьбу героя, какие у него были товарищи, как нашел он в жизни свою дорогу, и были ли у него опасности и подвиги».

Эти слова, сказанные от всей души, отчетливо выразили, по мнению Алексея Максимовича, те требования, которые предъявляют к детской повести люди, вступающие в жизнь. Им нужно видеть в книге «не только отдельные эпизоды из жизни героя», но и «всю его судьбу». Им нужны приключения, опасности, подвиги, потому что сами они готовятся к жизни суровой и героической. Им нужны примеры, подтверждающие прочность дружбы.

Одним из последних попало Алексею Максимовичу в руки такое письмо:

«Дорогой Максим Горький, я очень люблю смешные книжки. Мне 8 лет».

— Аргумент весьма убедительный, — заметил Алексей Максимович. — Человеку восемь лет. Ничего не поделаешь, падо дать ему смешные книжки.

* * *

Горький пристально вглядывался в строчки, написанные руками детей на листках из тетрадок, как бы стараясь возможно явственнее представить себе черты будущих советских граждан.

«Здравствуй племя, младое, незнакомое!»

Он умел видеть в детях будущих взрослых и, переписываясь с детьми нашей страны, вел разговор с будущим.